

УДК 82-4:81'42

ББК 83.0

Н 50

Немец Г.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Кубанского государственного университета, e-mail: nemets-reklama@mail.ru

Автор и читатель в эссеизированном биографическом очерке: стратегии понимания и интерпретации

(Рецензирована)

Аннотация:

Анализируется лингвокогнитивная специфика эссеизации текста и дискурса на примере биографических очерков о художниках в журнале. При этом проанализированный в работе эссеизированный биографический очерк представляет собой некий «гибрид», как в жанрово-стилистическом, так и в коммуникативном отношениях. Научная проблематизация исследования подчеркивается предпосылочными знаниями о динамической природе жанровых структур, формирующими определенную систему идеализаций, связанных с процессом «размывания» жанров, возможной трансформации их риторико-стилистической идентичности. Центральный вопрос проблемы ставится таким образом, что ассоциативность и аналитичность нарратива позволяет говорить о его эссеизации, как на уровне общей феноменологии, так и с учетом его структурной организации. Целью является выявление особенностей взаимодействия автора и читателя в эссеизированном биографическом очерке. На основе метода нарративного и лингводискурсивного анализа анализируются структуры биографических очерковых текстов, содержащие отдельные черты эссеизации повествования. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что эссеизация на современном этапе становится активным кросс-жанровым процессом и актуальным лингвистическим феноменом, характеризующими особенности формирования эссеизированной языковой личности. Практическая значимость работы характеризуется тем, что полученные данные способствуют определению того, что эссеизация в системе семиотического целого существует как лингвистический феномен, раскрывающий творческие способности личности. Делается вывод о том, что эссеистическое переживание автора выступает основным источником смысла в биографическом дискурсе, а читатель – основным субъектом текста, на которого направлена мысль автора.

Ключевые слова:

Автор, читатель, эссеизация текста, эссеизация дискурса, эссеизированный биографический очерк, понимание, интерпретация.

Nemets G.N.

Candidate of Philology, Associate Professor of Advertising and Public Relations Department, Kuban State University, e-mail: nemets@kubannet.ru

Author and reader in an essayized biographical sketch: Strategies for understanding and interpreting

Abstract:

The linguo-cognitive specificity of text and discourse essayization is analyzed. It is concluded that the author's essayistic experience is the main source of meaning in the discourse, and the Reader is the main subject of the text, which the Author's thought is directed to. An essayized biographical sketch is a kind of "hybrid" in both genre-stylistic and communicative relations. Modern biographical sketches, placed in journals, seek to show the image of a person whose life story can be perceived by the Reader as sensational. The scientific problematization of the research is emphasized by background knowledge about the dynamic nature of genre structures, forming a certain system of idealizations related to the process of "erosion" of genres, the possible transformation of their rhetorical and stylistic identity. The central question of the problem is raised in such a way that the associativity and analyticity of the narrative makes it possible to speak of its essayization, both at the level of general phenomenology and taking into account its structural organization. The aim of the work is to identify the features of the interaction of the author and the reader in an essayed biographical sketch. The purpose of the study required the following objectives: (1) to determine the genre and stylistic features of an essayized biographical sketch; 2) to identify the narrative and linguodiscursive specifics of genre; 3) to analyze strategies for understanding and interpreting the essayization of the formed discourse, using an example of biographical sketches about artists in the magazine "Caravan of Stories". Using the methods of narrative and linguodiscursive analysis in the work, the structures of biographical essayed texts containing individual features of narrative essayization are analyzed. The theoretical significance of the research lies in the fact that essaying at the present stage is becoming an active cross-genre process and an actual linguistic phenomenon that characterize the features of the formation of an essayized linguistic personality. The practical significance of the work is characterized by the fact that the obtained data contribute to the determination that essayization in the system of the semiotic whole exists as a linguistic phenomenon that reveals the creative abilities of a personality. It is concluded that the essayist experience of the author is the main source of meaning in the biographical discourse, and the reader is the main subject of the text, to which the author's thought is directed.

Keywords:

Author, reader, text essayization, discourse essayization, essayized biographic sketch, understanding, interpreting.

Развитие жанровых теорий на современном этапе предполагает представление о жанре как о динамически организованном типе текста, сложившемся в определенную историческую эпоху. Изначально категория жанра была связана с понятием канона, как некоего образца, точки отсчета в построении эстетического объекта. Одним из таких объектов филологии выступает биография как жанр литературы и критики.

Жанр биографии, выступая литературной формой философствования автора, его возможной творческой рефлексии, является неким объективным синтезом его «теоретического», «художественного» и

«исторического» мышления, передавая читателю определенный культурный опыт в личностной форме. В этом случае следует различать биографию как жанр и метод. В первом случае мы сталкиваемся с разнообразными видами биографических текстов, формирующих определенный биографический дискурс. Во втором же случае автором движет задача не только изображения «социального» и «частного», но и «повседневного» и «вечного». Бытовое поведение биографического становится основой жизненного повествования о биографическом герое, которому следует быть по законам жанра не «универсальным», а

«уникальным». Мир личности **биографического героя** должен привлекать читателя, предлагая в рамках определенной культурной модели – «второе рождение героя», в котором раскрываются нравственные особенности его личностного развития [1: 22].

Биографический портретный очерк может выступать в качестве лингвистического феномена в нарративном и дискурсивном измерениях. В первом случае, это связные повествовательные тексты с определенным набором коммуникативных установок, включающих отношения основного текста с **затекстом** (окружающая действительность) и **интертекстом** (многообразием иных текстов, включенных в корпус основного текста и актуализирующих определенные прецедентные феномены). Во втором случае, исходный текст представляет собой некое материальное воплощение определенной коммуникативной ситуации, представленной в виде экстралингвистических факторов, обслуживающих лингвистическую структуру текста. Связность элементов дискурса подчеркивается связностью отдельных речевых высказываний, формирующих определенную тему, идею, когнитивную специфику понимания языкового контекста. Биографический очерк как текст в семиотическом плане отражает явление континуальности в языке, проявляемое в связи очеркового изображения в тексте с его возможным языковым наполнением. Биографический же очерк как дискурс может быть интерпретирован как некое пространство речевых и коммуникативных стратегий, отражающих ситуацию общения. Данная тенденция, по нашему мнению, является отражением дискретности в языке, позволяя интерпретировать дискурс в трех методологических позициях: 1) текст = дискурс; 2) текст > дискурс; 3) текст < дискурс. Во всех трех случаях текст становится лингвистически материальной основой дискурса, его возможным бытийным субъектом [2: 6-7].

Одним из современных жанровых процессов, захвативших лингвофеномен биографического очерка, выступает эссеизация. Данное явление опирается на основные лингвостилистические трансформации и представляет собой использование в разнообразных жанровых текстах отдельные стилистические черты и коммуникативные установки, используемые в текстах эссе. Кроме того, оценивая эссеизацию как лингводискурсивный процесс, можно выделить основные ее лингвистические особенности проявления в тексте и дискурсе: 1) **стилистическая диффузия** как возможное объединение в составе единого художественно-речевого целого проявлений различных жанрово-стилистических образований данного языка; 2) **диалогизация** как разнообразие использования форм чужой речи (прямая речь, несобственно-прямая речь, полупрямая речь, косвенная речь, диалог, квазидиалог, внутренний монолог, вопросно-ответные единства и т.п.), создающей эффект гетерогенности текста и дискурса при возможном их сегментировании; 3) **наличие эллиптических конструкций** как проявление «потока сознания» в тексте (собственно эллипсис, неполные предложения, инверсия, парцелляция и т.п.); 4) **ассоциативность** как способ разрушения логико-грамматических отношений в тексте и дискурсе с последующей актуализацией ассоциативно-речевых (ассоциативные языковые образы, языковая игра, постмодернистское перифразирование, каламбур и т.п.) [3: 73-79].

В качестве иллюстративных примеров эссеизации текстов биографических очерков нами были выбраны материалы, размещенные в журнале «Караван историй» в 2019 г.

Пример 1. В биографическом очерке Татьяны Миргородской «Архип Куинджи. Повелитель света», опубликованном в январском номере журнала за 2019 год [4]. Следуя основному очерковому принципу

изображать уникальное в обыденном, повседневном и вполне тривиальном, автор стремится показать образ творчески необычного человека, способного своими творениями преобразовать окружающую его действительность, как при жизни, так и после его смерти.

Чтобы заинтересовать Читателя, Автор работает с уникальными биографическими фактами, связывая Биографического героя и Эпоху:

(1) Страсть Куинджи к птицам была известна всем. Каждый день, когда пушка на Петропавловской крепости была полдень, он шел кормить зерном воробьев, ворон и галок — они слетались к нему со всего Петербурга и стучались в окно мастерской. Подбирал их, отогревал, лечил, перевязывал. Жена Вера Леонтьевна ворчала: «С тобой, Архип Иванович, вот что будет в конце концов — придет карета, скажут — там на дороге ворона лежит, спасай! Да и увезут, только не к вороне, а в дом умалишенных». Между тем правилу спасать слабых он был верен с тех пор, как шестилетним мальчишкой отбивал щенков и котят у сверстников, любивших жестокие игры с мучением животных.

В данном эссеизированном фрагменте Архип Куинджи показан, с одной стороны, как человек-чужак с необычным поведением, странными поступками, а с другой — как человек невероятно добрый и чуткий, верный своему правилу «спасать слабых», не любивший с раннего детства игры сверстников «с мучением животных». Подобное поведение вызывало иронию и раздражение у супруги художника — Веры Леонтьевны, которая говорила о том, что за свое милосердие он может оказаться в «доме умалишенных». Лингвистическими средствами эссеизации в данном фрагменте текста могут служить неполные предложения, диалогизация, а также использование целого ряда глагольных лексем — *подбирал, отогревал, лечил, перевязывал, (был верен правилу) спасать*

(слабых), создающих атмосферу повседневной активности Биографического Героя.

(2) Потом Куинджи определили в «комнатные» мальчишки к хлебо-торговцу Аморетти. Он раздувал самовар, носил дрова, прислуживал за столом и чистил сапоги. Хозяин проникся симпатией к даровитому парнишке, показывал его рисунки знакомым. Кто-то посоветовал ехать к Айвазовскому — проситься в ученики. И пятнадцатилетний застенчивый деревенщина в соломенной шляпе, бедно одетый и косноязычный, отправился в Феодосию.

Известный маринист не прогнал, но и на порог мастерской не пускал. Почти три месяца Архип жил во дворе под навесом. Единственным поручением мэтра было натереть краску и выкрасить забор (зато сколько потом появится легенд о поддержке, оказанной Айвазовским юному дарованию!). Несолоно хлебавши Куинджи вернулся в Мариуполь и поступил ретушером к местному фотографу, а в 1865-м отправился в Петербург. Там ведь Императорская академия художеств, Архипу же надо непременно туда поступить и прославиться, чтобы за него отдали любимую! Очаровательная Вера Леонтьевна Шаповалова-Кетчерджи была дочерью мариупольского купца (на самом деле его звали Елевферием, но ради успешной торговли пришлось переименоваться в Леонтия Герасимовича). Познакомились на Троицу — двадцать седьмого мая 1855 года. Странный выдался день: заканчивалась Крымская война, и юноша, рисовавший на обрыве, увидел, как вражеские корабли в упор расстреляли российские купеческие суда. Англо-французская эскадра направлялась к Мариуполю, в городе началась паника. На берег высадился десант, грабивший дома и поджигавший склады. До Карасевки, слава богу, враги не дошли.

Представленный эссеизированный фрагмент во многом

развенчивает миф о Куинджи как об ученике Айвазовского, где образ последнего складывается в контексте взаимосвязанных значений «известный маринист», «мэтр», который мог позволить «застенчивому деревенщине», «бедно одетому» и «косноязычному» лишь «натереть краски» или «выкрасить забор». В качестве лингвистических приемов эссеизации данного фрагмента следует отметить ассоциативность портретных описаний, парцелляцию, также стилевую диффузию – разрушение логико-грамматических связей очеркового повествования отдельными эссеистическими элементами, включая отступление от единства художественно-композиционного решения.

(3) И в 1868 году мечта сбылась: Куинджи в стенах академии художеств. Рядом — Репин, Крамской, Васнецов, Буров... Вместе слушают лекции, работают в классах, просиживают вечера в кухмистерской на Васильевском острове, споря о задачах искусства. Для сдачи итоговых экзаменов в академии от Куинджи потребовали вид на жительство, который ему в 1870 году выдали в городской управе Мариуполя. Там значилось: «Мещанин из греков двадцати восьми лет, ростом два аршина шесть вершков, с темно-русыми волосами и бровями, карими глазами. Нос, рот и подбородок умеренные. Лицо чистое. Уволен в разные города и селения Российской империи для собственных надобностей». В мае он отлично выдержал экзамены и получил диплом о звании некласного художника.

Дальше пошли выставки одна за другой, пресса благосклонно отзывалась о его пейзажах. Куинджи становится одним из самых заметных передвижников, ему даже начинают подражать, и однажды оскорбленный откровенным плагиатом, расхваленным в газетах, он ринулся в бой, вынудив критиков признать заимствование.

В анализируемом эссеизированном фрагменте показана творческая

атмосфера академии художеств, где оказался Архип Куинджи («слушают лекции», «работают в классах», «просиживают в кухмистерской на Васильевском острове»). Представленная характеристика, выданная художнику в городской управе Мариуполя, фактически, является его документальным речевым портретом того времени, подчеркивающим физиогномические и конститутивные особенности («лицо чистое», «нос, рот и подбородок умеренные», «ростом два аршина шесть вершков», «с темно-русыми волосами и бровями», «карими глазами») и социальное происхождение («мещанин из греков двадцати восьми лет») его личности. В сознании Читателя возникает устойчивый образ светлого, солнечного, доброго и открытого человека, открывающего для нас все новые и новые художественные миры.

Пример 2. В биографическом очерке Татьяны Миргородской «Артемизия Джентилески. Бой без правил», опубликованном в апрельском номере журнала за 2019 год [5]. В основе очеркового повествования создается достаточно объемный образ героической женщины, в противовес устойчивому мифу об Артемизии как о «первой женщине-феминистке», «художнице-феминистке, пережившей сексуальное насилие» и т.п. По мнению автора очерка, биография и творчество в ее жизни оказались настолько переплетены, что ее работы пронизаны темой насилия и жестокости, на что указывает вторая часть заголовка – «Бой без правил»:

(1) Им мало было растоптать ее душу и уничтожить остатки репутации. В конце концов к ней применили пытки, чтобы убедиться, что не лжет. Едва не теряя сознание от боли, она продолжала выкрикивать одно и то же: «Это правда! Правда, правда!»

Процесс по делу Артемизии Джентилески начался в марте 1612 года и длился несколько месяцев. Но для художницы он не закончился

до самой ее смерти. Отзвуки пережитых унижений послужили своеобразным вдохновением для творчества. Картины Джентилески обличали мужское насилие и воспевали женский протест и силу духа.

В представленном эссеизированном фрагменте Биографический автор использует активно прием антитезы, противопоставляя «отзвуки пережитых унижений» – «вдохновению для творчества», «мужское насилие» – «женскому протесту и силе духа». Артемизия Джентилески выступает в качестве обличителя мужской распущенности и распутства в своих картинах («Сусанна и старцы» (1610, 1622), «Юдифь, обезглавливающая Олоферна» (1614-1620), «Иаиль и Сисара» (ок.1620), «Юдифь и ее служанка с головой Олоферна» (ок.1623-1625) и др.), где основным сюжетом становится женское возмездие как ответные действия на мужское насилие. Библейская тематика становится темой творчества для художницы, тесно переплетаясь с ее трагедийным жизнеописанием. Подобно библейской Сусанне, Артемизии пришлось доказывать времени и судьбе свою чистоту в деяниях и помыслах. В качестве лингвистических средств эссеизации автор использует неполные предложения, цитацию, близкую к автобиографическому источнику, а также разнообразные парцеллированные конструкции, передающую конфликтогенность структуры повествования текста.

(2) Агостино Тасси — с ним вместе Джентилески расписывал папский Квиринальский дворец — был человеком ярким и привлекательным. Ему-то за неимением времени Орацио и доверил дальнейшее обучение дочери. Отец видел в таланте Артемизии прежде всего практическую выгоду: она поможет в работе, это позволит брать больше заказов. Почему Орацио впустил этого человека в дом и поручил ему свою дочь — загадка. Как и Караваджо, Тасси, считая общепринятые правила

устаревшими предрассудками, много пил, был весьма любвеобилен, наделал долгов... Остается предположить, будто Джентилески по наивности не допускал мысли, что друг способен злоупотребить его доверием.

Представленный эссеизированный фрагмент показывает образ художника Агостино Тасси в контекстуально связанных языковых значениях «человек яркий и привлекательный», «весьма любвеобилен», «наделал долгов», что создает в сознании Читателя психологический портрет «распутника», «расточителя» и «авантюриста», считавшего общепринятые правила поведения в обществе «устаревшими предрассудками». Для биографа остается неразрешимой загадкой, как же отец Артемизии – Орацио Джентилески – смог допустить этот конфликт. Само рассуждение на эту тему можно охарактеризовать в качестве одного из стилистических приемов эссеизации, создающих атмосферу диалогичности в структуре текста.

По мнению биографа и арт-критика Мэри Джерард, Артемизия Джентилески в итальянском барокко обычно ассоциируется с одним особенно авантюрным сюжетом. Образы Юдифи и Олоферна, широко представленные в ее портретном творчестве, включены в достаточно нетривиальную, необычную сцену, где женщина обезглавливает мужчину. Это следует из рассказа самой Юдифи, вдовы из древнего города Бетулии. Этот город осажден ассирийскими войсками Олоферна, и поэтому Юдифь добровольно посещает его. Олоферн влюбляется в нее, и однажды вечером она обезглавливает его и возвращается в Бетулию, держа его голову в качестве трофея. Это достаточно сложная легенда с точки зрения ее осмысления, поскольку женщина, преодолевая внутренний сексуальный мотив, побеждает мужчину, символически «обезглавливая» его приоритетность в современной культуре [6].

Таким образом, с опорой на вышесказанное мы можем сделать следующие выводы, что феномен биографического очерка на современном этапе строится на представлениях о нем как о жанре литературы и публицистики, в котором сочетаются, с одной стороны, документальность и достоверность, а с другой – художественность и образность. Одним из наиболее часто используемых авторских приемов в современном биографическом очерке становится эссеизация [7], часто используемая в материалах таких российских журналов, как «Караван историй», «Биография», «Psychologies» и др. Они во многом беллетризованы и привлекают Массового Читателя занимательностью биофактографии и относительно легким, неперегруженным для восприятия характером чтения. Проанализированные в работе биографические очерки Татьяны Миргородской являются проявлением современной массовой арт-критики.

Основной ее задачей является показать уникальность судьбы художника, отражение определенной культурно-исторической эпохи, а также раскрыть значимость создаваемых им художественных работ в системе традиций современного искусства. Ее мастерство как арт-критика и биографа заключается, с одной стороны, в использовании уникального биофактографического материала, а с другой – в специфике ее языковой личности, тяготеющей при создании арт-критических текстов к эссеизации, проявляющейся в тексте в виде внутренней диалогичности, языковой ассоциативности, «стирания» жанровых границ текста с последующим появлением в нем динамических оттенков эссеизмов, сопровождаемых парцелированными синтаксическими конструкциями и неполными предложениями, имитирующими внутреннюю речь.

Примечания:

1. Григорьева Л.М. Биографический очерк в современной российской журнальной периодике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. 22 с.
2. Терпугова А.В. Биографический текст как объект лингвистического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 26 с.
3. Синявина А.А. Стилиевые приемы в современном российском эссе // Вестник Моск. ун-та. 2009. № 2. С. 70-79.
4. Миргородская Т. Архип Куинджи. Повелитель света. URL: <https://7days.ru/caravan/2019/1/arkhip-kuindzhi-povelitel-sveta.htm>. (дата обращения: 11.02.2019).
5. Миргородская Т. Артемизия Джентилески. Бои без правил. URL: <https://7days.ru/caravan/2019/4/artemiziya-dzhentileski-boi-bez-pravil.htm>. (дата обращения: 11.04 2019).
6. Mary D. Garrard. Artemisia Gentileschi: The Image of the Female Hero in Italian Baroque Art. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 607.
7. Немец Г.Н. Эссеизированный рекламный текст в газете: стратегии интерпретации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 2 (21). С. 233-237.

References:

1. Grigorieva L.M. Biographical sketch in contemporary Russian magazine periodicals: Diss. for the Cand. of Philol. degree. Moscow: Publishing house of MSU of M.V. Lomonosov, 2010. 22 pp.
2. Terpugova A.V. Biographical text as an object of linguistic research. Diss. abstract for the Cand. of Philology degree: 10.02.19. M., 2011. 26 pp.
3. Sinyavina A.A. Stylistic techniques in modern Russian essay // Moscow State University Bulletin, 2009. No. 2. P. 70-79.

4. Mirgorodskaya T. Arkhip Kuindzhi. Lord of the Light (2019) [Electronic resource]. URL: <https://7days.ru/caravan/2019/1/arkhip-kuindzhi-povelitel-sveta.htm> [access date: 11.02.2019].

5. Mirgorodskaya T. Artemisia Gentileschi. Fights without rules (2019) [Electronic resource]. URL: <https://7days.ru/caravan/2019/4/artemiziya-dzhentileski-boi-bez-pravil.htm> [access date: 11.04.2019].

6. Mary D. Garrard. Artemisia Gentileschi: The Image of the Female Hero in Italian Baroque Art, Princeton, Princeton University Press, 1989. P. 607.

7. Nemets G.N. Essayed advertising text in a newspaper: interpretation strategies // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2013. No. 2 (21). P. 233-237.